

ОТЗЫВ

**официального оппонента – доктора исторических наук, профессора
Клычников Юрия Юрьевича на диссертацию
Фединой Ирины Михайловны «Исторические формы поселений и
поселенческий уклад казаков-переселенцев на Кубань в конце
XVIII – начале XX веков», представленной на соискание
учёной степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.1. – Отечественная история**

Колонизационно-переселенческие процессы играли и продолжают играть важную роль в отечественной истории, как в освоении новых для страны территорий, так и в преодолении депрессивного состояния отдельных уже состоявшихся российских регионов. Каждый раз эти процессы приводили к значительным политическим, экономическим и культурным трансформациям, нередко формируя новую локальную общность, являющуюся неотъемлемой частью державного социума, но при этом обладающей неповторимыми, индивидуальными чертами и особенностями. Изучению одной из таких общностей, примерно за столетие сформировавшейся на Северо-Западном Кавказе и обозначенной как «казачий мир Кубани», посвящено исследование И.М. Фединой. Длительный процесс укоренения и развития казачьих поселений в новой ландшафтно-климатической нише, в непростых обстоятельствах военно-политической конфронтации, присущей фронтальной территории, нашёл отражение в повседневной культуре казачества, его мировоззренческих императивах. В основе формирующегося исторического феномена находилась кубанская станица, трактуемая автором как базисная форма поселения, где и происходили изучаемые исследователем события.

Акцентируя внимание на пространственном анализе поселенческой реальности и микроисторического места в ней человека, И.М. Федина одновременно организует посыл и для макроистории, определяя место в ней казака-переселенца. Не лишним представляется обратить внимание и на то обстоятельство, что представленный труд соответствует задачам, сформулированным в

декларируемой Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. Таким образом, научная и общественно-политическая актуальность представленного диссертационного исследования сомнений не вызывают.

Хронологические рамки труда в целом достаточно обоснованы.

Предлагаемые территориальные границы вполне убедительны, и, что важно отметить, исследователь показывает, как они изменялись в зависимости от военно-политических и административно-управленческих обстоятельств и решений, анализируемых в ходе проведенного исследования.

Объект и предмет исследования также не вызывают возражений и исчерпывающе определяют суть научных интересов автора.

Анализируя степень изученности проблемы, И.М. Федина прибегла к традиционному и вполне оправданному делению историографии на три хронологических этапа: имперский, советский и современный. Общие выводы в их оценке также встречаются в исследованиях и, как представляется, вполне адекватно отражают суть процессов и тех научных тенденций, которые прослеживаются в изучении заявленной темы. Вместе с тем, диссертант обстоятельно поясняет, какие лакуны всё ещё сохраняются в проблематике исследования поселенческого уклада кубанских казаков и форм их поселений на очерченной территории. Они автором выделяются в качестве пяти самостоятельных, но при этом взаимосвязанных вопросов. Более подробный разбор задействованного историографического материала автор вынес на рассмотрение в отдельном параграфе первой главы.

Цель и задачи исследования вполне соответствуют заявленной теме. Методологические подходы, применяемые автором, уже доказали свою научную состоятельность, и она умело применила их для решения поставленных задач. Особо следует отметить стремление И.М. Фединой использовать в исследовании принцип альтернативности, который предусматривает анализ проектов преобразований в историческом регионе Кубани, которые в силу различных причин не были реализованы на практике, но весьма наглядно отражали те

многогранные процессы, которые происходили в ходе формирования феномена «казачьего мира» региона.

В исследовании привлекаются многочисленные виды источников, которые грамотно сгруппированы автором и проанализированы в отдельном параграфе первой главы. Обращает на себя внимание то существенное обстоятельство, что И.М. Федина вводит в научный оборот в большом количестве ранее не публиковавшиеся материалы, которые были выявлены ею в десяти центральных, региональных и муниципальных архивохранилищах.

Обосновывая научную новизну своего исследования, автор говорит о концептуализации проблемы казачьей повседневности и предпринятом анализе различных типов и форм истории кубанских поселений, изучении судеб отдельных представителей казачества в обстоятельствах фронтального пространства края. Автором выносятся на защиту восемь положений, которые соответствующим образом аргументируются материалами, интерпретируемыми исследователем в русле отстаиваемой картины «казачьего мира Кубани». Они имеют принципиальное значение для понимания предлагаемой И.М. Фединой концепции.

В частности, когда речь идёт об участии в возведении и освоении новых кордонных линий, создании крепких хуторских и станичных хозяйств, всё это доказывало «исторические преимущества материально-экономического, агротехнического и социально-хозяйственного порядка» казачьего уклада (стр. 22). Но также случались неудачи и провалы в освоении новых земель, и автор констатирует, что «далеко не все усилия властей оказались продуктивными. Зачастую затраченные средства практически не приносили ожидаемого результата» (стр. 23). Диссертант попыталась представить казачью модель мироустройства некой идеальной формой жизни, хотя в ряде обстоятельств она уступала иным видам социальной организации и хозяйственного уклада, о чём говорит и сама соискатель, приводя примеры того, что там, где потерпели неудачу казачья колонизация, вполне успешно действовала «местная система хозяйствования, представленная неказачьими слоями населения» (стр. 23).

Работа выполнена в рамках паспорта научной специальности 5.6.1. – Отечественная история, и её содержание соответствует следующим направлениям научных исследований: п. 3, 4, 6, 7, 8, 15, 18, 19.

Теоретическая и практическая значимость исследования возражений не вызывают. Автор апробировала результаты своих изысканий на научных конференциях и в статьях, в том числе в журналах, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки РФ для защиты докторских и кандидатских диссертаций.

Структура работы соответствует внутренней логике исследования и сформулированной цели.

Первая глава диссертационного исследования состоит из трёх параграфов, в которых содержится историографический анализ научных работ по рассматриваемой проблеме, проанализирован комплекс источников, дано обоснование теоретико-методологической базе представленного труда. Автор сумела подготовить обширный обзор литературы, посвящённой проблематике формирования, жизнедеятельности и повседневности поселенческих образований кубанских казаков, отметив при этом, что работы до сих пор носили разрозненный и фрагментарный характер. Эти «белые пятна» и должны быть закрыты представленным диссертационным исследованием.

Разрабатывая источниковую базу исследования, И.М. Федина обеспечила её видовое разнообразие, добиваясь репрезентативности, целесообразности и насыщенности конкретно-историческими свидетельствами. В силу специфики выбранной темы, основной упор был сделан на анализе архивных материалов, прежде всего сосредоточенных в Государственном архиве Краснодарского края, что позволило автору проследить историю зарождения, становления и развития кубанских поселенческих структур. Вполне логично предложенное деление источников на шесть групп: 1) нормативно-правовые акты имперских инстанций; 2) макрорегиональные и войсковые документы; 3) справочно-информационные издания; 4) материалы периодической печати; 5) эго-свидетельства россиян-подданных Российской империи; 6) записки иностран-

ных путешественников и учёных имперского периода истории – и все они подтверждены соответствующими артефактами.

Сильной стороной исследования являются предложенные диссертантом концептуально-теоретические модели и категориально-понятийный аппарат, позволившие добиться значимых результатов в изучении поселенческого устройства казаков Кубани и Черноморья. Автор придерживалась мультипарадигмальной исследовательской стратегии, используя различные подходы к познанию прошлого, отстаивая собственную историко-пространственную парадигму «казачий мир Кубани».

Во второй главе речь идёт об освоении земель, расселении и устройстве поселений казаками на Северо-Западном Кавказе, начиная с конца XVIII в. и всю первую треть XIX столетия. Интересны анализируемые автором обстоятельства межевания полученных участков, которые вызвали серьёзные разногласия в казачьей среде, обострили социальные противоречия, на что обращали внимание современники описываемых событий. Ссылаясь на авторитет генерал-майора Григория Антоновича Рашпиля, диссертант отмечает, что «по милости широкого самоуправления» в казачьем землепользовании произошло перераспределение земельной собственности в пользу старшины, и «притеснённые станичники беднели». Как следствие, они «относились к своим чиновным хуторянам с такими чувствами, какими не следует быть между начальствующими и подчинёнными» (стр. 145). Понадобилось вмешательство государства, чтобы смягчить возникшие противоречия, а традиционная казачья вольница так и не смогла найти эффективный способ выйти из этого кризиса. Впрочем, не справилось в полной мере с этой задачей и правительство. Экстенсивный способ расширения имеющегося земельного фонда за счёт военно-политической экспансии лишь на время сгладил конфликт. Земли хронически не хватало, и добиться её выделения согласно определённым нормативам так и не смогли. Это была общеимперская проблема, связанная с аграрным перенаселением, и в рамках доминирующего тогда хозяйственно-культурного типа она так и осталась неразрешимой.

И здесь, как нам представляется, И.М. Федина вплотную подошла к весьма важной проблеме, связанной с границами витальности предлагаемого ею экономического и социокультурного феномена «казачьего мира Кубани», который к началу XX в. в значительной степени достиг предела своего потенциала. В рамках традиционной среды обитания, на формировании и функционировании которой сосредоточено внимание исследования, он был обречён на саморазрушительную внутреннюю и внешнюю конфронтацию, что и покажут трагические события Гражданской войны. Выход будет найден в индустриализации и активизировавшихся процессах урбанизации, произошедших в советский период истории Кубани. Отметим, что основы местной городской жизни уже начали складываться в обозначенный в диссертационном исследовании И.М. Фединой период (см., например: Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар 1793–1867 гг.: историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 181 с.), что отмечается в рецензируемом тексте.

Отдельные параграфы диссертации посвящены описанию и изучению особенностей поселений черноморских и линейных казаков, с их повседневной жизнью и особенностями самоорганизации.

Третья глава даёт представление о военно-казачьем императиве в заселении Закубанского края. Исследователь подробно останавливается на вопросах адаптации переселенцев в новых для них ландшафтно-климатических условиях. Процесс укоренения происходил непросто и сопровождался высокой смертностью, вызванной голодом, болезнями и эпидемиями. Оказавшееся на грани выживания население для обеспечения себя необходимыми ресурсами принялось массово вырубать лес, что едва не привело к экологической катастрофе, с которой власти старались справиться с помощью запретительных мер и поддерживая лесоразведение. Но, судя по представленным автором свидетельствам, преодолеть такое хищническое отношение к природным богатствам не удалось вплоть до конца изучаемого периода (стр. 221–222).

Детально рассматриваются соискателем исторические обстоятельства создания сети кордонных линий, что весьма важно, учитывая наличие историографического «перекоса» в пользу преимущественно Старой и Новой линий, при явном отсутствии внимания к другим региональным линиям. Завершающий параграф третьей главы посвящён заключительному этапу заселения казаками кубанских территорий и отношению самих казаков к этому процессу.

В четвёртой главе основное внимание уделяется пространственно-временной эволюции хуторских поселений кубанских казаков. По справедливому мнению И.М. Феединой, хутор являлся самодостаточной формой поселения и в полной мере отвечал социально-хозяйственным потребностям казаков. Он не только сохранял казачью индивидуальность, но и не был чужд агротехническим новациям и проявлению инициативы. Автор отмечает, что в основе кубанского хутора лежали два базисных элемента казачьей земельной идеологии – земля и воля. При этом обратим внимание на то обстоятельство, что они распространялись лишь на самих казаков, которые, столкнувшись с дефицитом рабочих рук, охотно шли на укрывательство беглых и пленных, чтобы потом использовать их «практически бесплатный труд в своём хуторском хозяйстве» (стр. 310). Вместе с тем, жители хуторов стремились дистанцироваться от участия в выполнении войсковых обязанностей.

Следующая глава раскрывает обстоятельства поселенческого миромоделирования Восточного Причерноморья и предлагает развёрнутое изложение основных положений социальных проектов, связанных с защитой и освоением этой российской территории. Автор обосновывает собственную периодизацию данного процесса; раздел вполне информативен и даёт исчерпывающее представление о сути описываемого автором исторического явления.

Завершающая, шестая глава посвящена изменениям в кубанских поселениях на фоне административно-территориальных реформ второй половины XIX – начала XX вв. Власти хотели добиться от кубанских поселений коммуникативного эффекта и рассчитывали создать на казачьих территориях опорные пункты региональной торговли, связанные с существующей дорожной инфраструктурой.

турой. Для этого станицы должны были стать многолюдными хозяйственно-экономическими центрами, и такая задача успешно решалась. Происходила консолидация и самого казачества, у которого усиливались сословные черты. Что касается управления, то здесь соискатель резонно отмечает факт того, что «имперские властные практики фронтального пространства в условиях Кавказской войны уступают место бюрократическому управлению, и модель военного управления отходит на второй план, но полностью от неё отказаться не могли из-за особенностей казачьего региона, где организация воинской службы являлась неотъемлемой частью сферы компетенции войсковых органов управления» (стр. 419).

Особый интерес вызывает сюжет, связанный с оценкой взаимоотношений между иногородним крестьянством и казачеством: демонстрируется алгоритм, определяемый автором как «казаки и иногородние: против/вместе», имеющий, по мнению И.М. Фединой, бесценный исторический опыт. Исследователь приходит к выводу, что «социальное противостояние «казаки и иногородние» на Кубани носило не только экономический, но и культурный характер, постепенно перерастая в политическое противоборство, в область отстаивания своих прав иногородними (крестьянами)» (стр. 463–464).

В заключение диссертации делаются выводы, к которым пришёл автор в результате своего изыскания. Они в целом соответствуют тем задачам, которые были поставлены и успешно решены И.М. Фединой. Подготовленный исследователем список использованных источников и литературы, приложения в виде статистических обобщений-таблиц, карт и копий документов уже сами по себе имеют научную ценность.

Вместе с тем, необходимо сделать ряд замечаний по тексту диссертации:

1. Хронологические рамки труда в целом обоснованы, но если нижняя граница мотивирована убедительно, то верхняя всё же может быть оспорена. В порядке дискуссии предпочтительнее рассмотреть её в контексте событий Гражданской войны, а не «социалистической трансформации», начавшейся, как видится автору, в 1917 г. Представляется, что в указанное время ещё рано гово-

речь о подобных изменениях. Между тем, именно социальное противостояние 1918–1920 гг. привело к существенным изменениям в облике «казачьего мира Кубани». И здесь нам ближе логика авторов коллективной монографии «Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г.», вышедшей под редакцией профессора В.Н. Ратушняка, в которой присутствует перекликающаяся с подходом И.М. Фединой периодизация, но в качестве логического завершения исторического этапа выбрана именно победа сторонников советской власти.

2. Обратим внимание на восьмую задачу исследования (стр. 12), в которой речь идёт о раскрытии прогрессивных черт и параметров эффективности хозяйственно-культурного уклада кубанского хутора. Не оспаривая важность такого подхода, отметим, что, исходя из декларируемых самим диссертантом принципов исторического познания – объективности, историзма и т.п. было бы справедливо показать и недостатки хуторской модели хозяйствования, далеко не всегда демонстрирующей свою витальность. Здесь достаточно вспомнить те сложности, с которыми столкнулись казаки при освоении Черноморского побережья Кавказа, и отсутствие у них необходимой хозяйственно-бытовой гибкости в освоении непривычной ландшафтно-климатической ниши.

3. Естественно, поставленная диссертантом глобальная цель по изучению форм поселений и поселенческого уклада казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII – начале XX вв. не может быть выполнена с абсолютным охватом всех накопленных к настоящему времени трудов, да такой цели автор и не преследовала, ограничившись принципом разумной достаточности. Были отмечены те перспективные направления-сюжеты, которые нуждаются в дополнительном исследовании и определяют уровень новизны работы самого автора. Возможно, здесь представляется уместным оценить обозначенные И.М. Фединой процессы с позиций аграрного проекта колонизации Северного Кавказа в имперский период, особенности которого рассмотрены и подвергнуты анализу в работе Денисовой Г.С. и Уланова В.П. «Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса». Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. 352 с. Авторы приходят к мнению, что к началу XX в. имел место упадок «всей си-

стемы казачьего жизнеустройства», связывая это с политикой государства по отношению к казачьему сословию. Размышления авторов отчасти диссонируют с оценками И.М. Фединой, и было бы любопытно услышать комментарии соискателя учёной степени по этому вопросу.

4. Возникает закономерное сомнение в утверждении И.М. Фединой, что хуторская система подтверждает историческую правомерность такого мироустройства поселенческой модели, прежде всего, когда речь идёт о её самостоятельности, ведь она зависела, как мы видим из материалов диссертационного исследования, в первую очередь от искусственных предпочтений, полученных казаками-хуторянами. Недаром хутора со временем присоединялись к уже существующим населённым пунктам, или же трансформировались в новое поселение (стр. 330). Эта тенденция была в итоге зафиксирована и в их новом административно-правовом статусе, превращавшем хутора в станицы.

5. Автор предлагает собственную периодизацию процесса российского освоения восточной части Черноморского побережья, но, что примечательно, в автореферате диссертационного исследования (стр. 34) мы видим выделенными четыре этапа, а в тексте самой работы речь идёт только о трёх. Четвёртый период, связанный с отдельным Черноморским округом, а затем и губернией (ноябрь 1870–1918 г.) пропущен, и это никак не поясняется, и соискателю следует прокомментировать такой подход.

Высказанные замечания и полемические предложения лишь подчёркивают достоинства подготовленного диссертантом труда. Автореферат диссертации отражает её основное содержание и достигнутые научные результаты.

В целом, диссертационное исследование «Исторические формы поселений и поселенческий уклад казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII – начале XX веков» является научно-квалификационной работой, в которой поставлена и решена новая в отечественной историографии научная проблема. Выполненная диссертация соответствует критериям п. 9–14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции). Диссертацион-

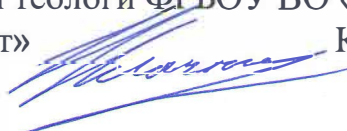
ная работа может считаться завершённой, выполненной самостоятельно и содержащей оригинальные идеи, поэтому её автор, Федина Ирина Михайловна заслуживает присуждения искомой учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

17 ноября 2023 года.

*В отделе ознакомления
Ирина Федина И.И. 27.11.2023*

Официальный оппонент:
доктор исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история),
профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских
дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»

Клычников Юрий Юрьевич

Адрес:

357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, 9.

Тел. +7(8793)400-000. E-mail: ud@pgu.ru

Клычников Юрий Юрьевич

тел: +7-918-763-62-41; E-mail: klichnikov@mail.ru

Подпись профессора Клычникова Юрия Юрьевича заверяю:

